

СОЗДАНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СИБИРСКИХ ВОЙСК РОССИИ

В середине XVII века восточная граница русских владений достигла Тихого океана. Стране необходимо было создать прочные оборонительные рубежи с владениями монгольских ханов в Южной Сибири, а затем и в Восточной — с Цинским Китаем.

Однако создание постоянных войск России в этом регионе упиралось в две большие проблемы.

Первой была малочисленность, а зачастую и отсутствие местного населения, которое бы пополняло, кормило и обслуживало эти войска. Ввоз же всего необходимого для них из-за Урала стал бы совершенно неподъемным для русской казны.

Малочисленность доступных для содержания местных войск усугублялась второй проблемой — огромными, тысячекиллометровыми пространствами, которые они должны были прикрывать. Конные и «судовые» армии Монголии и Китая были весьма мобильны и имели многократное численное превосходство. Когда в 1680-х годах шла война России с Цинским Китаем и его союзником Тушету-ханом, было очень трудно объединить разбросанные восточно-сибирские гарнизоны в хотя бы тысячные полевые отряды из-за необходимости отражать вторжения из Монголии и Маньчжурии сразу. Этим постоянно пытались воспользоваться цинские стратеги, согласовывая свои атаки Приамурья с монгольскими наступлениями на Забайкалье.

Соборным Уложением 1649 года все население России было разделено на сословия

«служилых» и «тяглых» людей. Первые составляли военную силу государства, вторые ее обеспечивали.

Способов набора в армию было два — «верстание» и «прибор».

В ходе «верстаная» призывались на службу представители военнообязанных служилых сословий — дворян, детей боярских и городовых казаков. Так создавались дворянское и казачье конные ополчения.

«Прибором» (вербовкой) набирались тяглые и вольные люди — родственники служилых, выходцы из крестьян и т. д. Так, например, «прибором» формировались стрелецкие части и рядовой состав обученных по европейскому образцу «полков нового строя».

В Сибири «прибор» властями использовался очень часто в силу необходимости постоянно пополнять небольшие местные гарнизоны крестьянами, промышленными и вольными людьми. Так, например, хотя царские указы категорически запрещали принимать на службу беглых крепостных, один только якутский воевода П. П. Головин в начале 1640-х годов принял в казаки девяносто шесть беглых. Сибирское «малоллюдство» не давало местной администрации особого выбора контингента для вербовки. В то же время лишняя сотня служилых в Якутии значила в XVII веке столько же, сколько несколько тысяч на польской границе России.

И верстание, и прибор предполагали получение служилыми «государева жалованья».

Особой категорией сибирских служилых были так называемые «охочие люди», или «полуказаки». Они шли в поход в расчете на долю ясака во вновь открытых землях или военные трофеи. При этом они не получали правительственного жалования, вооружались и питались за свой счет либо за счет своего атамана. Такими «охочими» были, например, большинство спутников Е. П. Хабарова в его амурском походе. Как правило, «охочие» присоединялись к отрядам настоящих служилых, но могли предпринимать и самостоятельные экспедиции. «Охочие люди» часто использовались воеводами, не желавшими лишней раз рисковать своими немногочисленными «кадровыми» служилыми.

Что же касается дворян и детей боярских, то они, как правило, занимали в «прибранных» отрядах офицерские должности. Впрочем, в условиях дефицита и тех, и других (к концу XVII века на весь «столичный» Тобольск было восемнадцать дворян и двести шестьдесят девять «детей боярских») командирами зачастую становились и простые служилые.

Новые отряды поступали в распоряжение местных воевод, в свою очередь подчинявшихся Сибирскому приказу.

Однако набрать войска гораздо легче, чем их содержать. В XVII веке у русского правительства было четыре основных способа содержания своей армии. Это были выплаты служилым денежного, натурального, земельного и поместного жалований. Многие служилые люди получали жалование сразу нескольких видов.

Поместное жалование состояло в наделении служилого человека поместьем — землей с прикрепленными к ней крестьянами. За это помещик должен был являться на смотры и военные походы, а также нести пограничную службу. Являться он должен был с оружием, на коне и с вооруженными слугами. За качество вооружения и число приводимых людей Поместный приказ (существовал с XVI века) мог в порядке поощрения или увеличить его поместье, или, напротив, уменьшить его. Именно в интересах поддержки боеспособности дворянского конного ополчения правительство в XVI–XVII веках постепенно закрепощало крестьян Европейской России, поставив точку в их свободе Уложением 1649 года.

Поместное жалование не могло использоваться в Сибири (особенно Восточной)

по причине отсутствия там крепостного крестьянства, да и вообще малочисленности неслужилых землепашцев. Так, например, в Забайкалье во второй половине XVII века на одного крестьянина долгое время приходилось трое-четверо служилых людей. Поэтому мы рассмотрим только первые три вида выплата.

Денежное жалование являлось обычной регулярной денежной выплатой, по образцу содержания солдат-наемников в армиях Западной Европы. С точки зрения поддержки боеспособности войск это наилучший вид их содержания. Солдат может все свое время посвятить военной подготовке, а его зависимость от регулярных выплат крайне затрудняет уклонение от службы. В отличие, например, от помещика, который уже «свое получил» и зачастую весьма неохотно выбирался из своего поместья, чтобы «вернуть долг» государству. Однако плюсы денежного жалования действуют только тогда, когда они покрывают главные потребности солдата, обеспечивают ему кров, одежду и питание. Причем не только ему, но и его семье.

Почти полностью изымая из Сибири ее единственный в то время финансовый ресурс — пушнину, правительство в то же время стремилось перевести свои сибирские войска на местное содержание. Нехватка же денежных средств в Сибири усугублялась бедностью самого государства. Так, например, на все те же сибирские меха в Европе покупались серебряные галеры для их перечеканки на русские «ефимки», — у России не было своих источников драгоценных металлов. Именно поэтому ее правительство в 1680-х годах было готово разрабатывать серебряные копии у Аргунского острога в Приамурье даже в разгар военных действий с Цинским Китаем.

Если добавить к этим проблемам большую коррумпированность местных воевод, становится понятно, почему попытка платить сибирским служилым только деньгами приводила к катастрофе.

Так, например, в 1659 году в Тобольске особым «прибором» были созданы солдатский (пехотный) и рейтарский (кавалерийский) полки («нового строя»). Русским рядовым и офицерам-иностранцам было положено исключительно денежное жалование. Причем соответственно высокое: пятнадцать рублей в год рядовому рейтару и одиннадцать — рядовому пехотинцу. По-

добное содержание шестисот девяноста шести рейтар и восьмисот сорока четырех солдат оказалось для Тобольска абсолютно неподъемным. Солдаты получали в лучшем случае треть жалованья, причем с многолетними (!) задержками. Чтобы не голодать, они были вынуждены самовольно распахивать землю, а то и просто дезертировать и мародерствовать. Новый воевода П. И. Годунов распустил часть обоих полков, а из оставшихся сформировал полк из драгун (конная стрелковая пехота) и трех рот рейтар. В целях экономии драгунам было приказано обзавестись своим хозяйством, а их жалованье было сокращено до пяти рублей в год. Однако и это «экономное» жалованье постоянно задерживалось — в одном документе указывается, что сибирские драгуны в 1676 году получали жалованье за 1669-й. В итоге уже к 1670 году из семисот тридцати драгун разбежалось более трехсот. В конце концов сибирские драгуны были окончательно превращены в простые поселенные на землю войска, а из жалованья им выдавалось только три пуда соли в год. Так вместо частей «нового строя» Сибирь получила обычных служилых, ничем, по сути, не отличавшихся, например, от поселенных казаков.

В Европейской России такие поселенные войска отлично показали себя в защите «своего» участка границы. Однако стоило надолго оторвать их от поселения в дальний поход или гарнизон, как они совершенно разорялись и полностью теряли боеспособность. Такими случаями была полна, например, русско-польская война 1654–1667 годов. Мобильную постоянную армию правительству все равно приходилось полностью брать на свое довольствие.

Поэтому денежное жалованье обычно дополнялось натуральной выплатой в виде самых необходимых продуктов и изделий — хлеба, соли, боеприпасов и фуражного овса. А иногда и изделий, которые служилый теоретически мог выгодно продать, например ткани. Так, ходившие в Китай купеческие караваны расплачивались с русской охраной китайскими тканями. Но, несмотря на такой натуральный «довесок» к деньгам, совокупное жалованье рядового сибирского служилого все равно обеспечивало ему в лучшем случае полуголодное существование. Так, например, в начале 1680-х, по расчетам Сибирского приказа, в Восточной Сибири рядовой служилый должен был

получать примерно два пуда (тридцать два килограмма) муки в месяц. Иначе говоря, двести — триста граммов в день на одного едока в семье из четырех человек.

Поэтому последний, земельный вид жалованья был в сибирских гарнизонах самым популярным. Не считая ясачных сборов, пашенная земля была единственным доступным богатством вокруг сибирских острогов. И даже порой не очень высокая ее плодородность часто компенсировалась огромными площадями, доступными для распашки. В самом начале колонизации Сибири русское правительство объявило все ее земли государственными, а также, что оно предоставит их каждому, кто пожелает их обработать. И если крестьяне за право такой обработки должны были возделывать особую «государеву пашню», то служилые владели своими участками в порядке жалованья за службу. При этом они, как правило, лишались большинства денежных и натуральных выплат. Однако, желая взять свое пропитание в собственные руки, служилые засыпали воевод челобитными о позволении «сесть на землю». С одной стороны, эта мера давала большую экономию в жалованье на поселенные гарнизоны, но, с другой, — резко снижала мобильность последних, что в условиях гигантской протяженности сибирских границ было небезопасно. Однако воеводы были вынуждены удовлетворять такие просьбы, зная, что средства в их распоряжении бедны, а плохо оплачиваемые служилые все равно самовольно распахивают в тайге тайные «заимки».

В Европейской России XVII века достаточно четко прослеживается социальное и боевое деление войск на дворянскую конницу, стрелецкую полурегулярную пехоту, «посошную рать» из тяглых людей, полки «нового строя» и служилых «пушкарского чина». Условья же Сибири постепенно создавали некий универсальный тип местных служилых людей — сибирских казаков. Их малочисленность заставляла каждого них учиться всему, а не только «своей» военной специальности. Стрелять из ружья при обороне острога, менее чем за полгода возводить в тайге грозный бастионный форт, скакать на лошади за угнавшими скот монгольскими налетчиками, палить из орудия по «тыну» враждебного поселения и рубиться саблей в тесном подлеске.

Так, например, попытки сибирских рейтар и драгун «нового строя» применять

против кочевников Южной Сибири сомкнутые европейские построения быстро стали напоминать преследование зайцев быком. Очень скоро их сменила типичная казачья тактика, во многом позаимствованная от самих же степняков, — внезапные нападения, атаки рассыпным строем и гибкой линией-«лавой», соединенные с русской стойкостью при обороне укреплений.

Уподобившись казакам в вооружении, тактике и боевой организации, служилые сибиряки в конце концов стали подобны им

и по способу своего обеспечения. Голодное «государево» жалованье вынуждало их требовать у правительства его замены пашней, будь они собственно казаками, стрельцами или элитными солдатами «нового строя». По мнению историка Я. И. Никитина, все служилые люди Сибири во второй половине XVII века фактически стали «казаками», перестав отличаться от них в чем-либо. Поэтому в нашем дальнейшем повествовании понятие «служилый» будет употребляться в значении «казак», и наоборот.

СИБИРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

О сибирских казаках следует сказать несколько слов особо. Как уже говорилось, в XVI–XVII веках они были основным и фактически единственным типом служилых людей на восточном «фронтире» России.

В переводе с тюркского слово «казак» означает вольный человек, удалец. Впервые они упоминаются в русских летописях середины XV века как пограничная стража на рязанском рубеже, вместе с московскими войсками борющаяся против татар.

В конце XV века беглые крестьяне из Великого княжества Литовского создают свои поселения в низовьях Днепра. В течение следующего столетия их ряды непрерывно пополнялись русскими, польскими и татарскими беглецами от дворянского и ханского произвола. Эти отчаянные люди, уже не боявшиеся никого и ничего, превосходно владевшие оружием, отныне подчинялись только своему «кругу» в мирное время и выборному «кошевому» — в военное. Их центром стал сначала днепровский остров Томаковка, а с конца XVI века — остров Базавлук. Все же их поселения в низовьях Днепра были известны как Запорожская Сечь.

В XVII веке большинство запорожских казаков подчинялись только своим выборным, однако многие служили русскому или польскому монархам как «реестровые», получая регулярное жалованье. Начиная с русско-польских войн за Украину в середине XVII века запорожцы все больше ориентируются на Россию. Сознавая их роль как защитного барьера от Крыма, Турции и Польши, русское правительство пока что не навязывает им свою волю, в то же время помогая оружием и боеприпасами. Позднее Москва распространит эту практику на всех «вольных» казаков вообще.

Вторым центром казачества стал в XVI веке Дон, также привлекавший беглецов от закона или притеснений. В последнюю треть XVI века ряды донцов сильно пополнились за счет русских крестьян, выброшенных с родины разбоем опричников Ивана IV и последовавшим за ним голодом. Будучи такой же «вооруженной демократией», как и запорожцы, донцы быстро дали южным соседям России почувствовать свое присутствие — уже в 1556 году отряд северодонцов атамана Черкашенина атакует турецкую Керчь.

Не ограничиваясь своей территорией на Дону, донские казаки активно грабили купеческие суда на Волге (как говорили тогда, «ходили за зипунами»), не особо отличаясь при этом русские от иностранных. Однако, несмотря на успешную карательную экспедицию московских войск, в 1581 году казаки разгромили столицу ногайских татар Сарайчик в низовьях Яика (Урала), а через семь лет поставили на Кош-Яицком острове свой городок. Так было положено начало Яицкому казачеству. От попытки его усмирения Москва переходит к соглашению с яицкой вольницей, и с 1591 года уральцы и волжцы уже служат в русском войске.

В 1567 году выходцы из волжских казаков построили на реке Терек городок, став первыми казаками-терцами.

В 1579 году солепромышленники и купцы Строгановы наняли пятьсот сорок волжских казаков для защиты своих предприятий от нападений сибирских татар хана Кучума, а также хантов и манси. Спустя два года снаряженные Строгановыми казаки атамана Ермака перебрались через Урал и разгромили созданное завоеваниями Кучума Сибирское ханство. После этого в Западной

Сибири начинал возникать русский города. Их столицей стал Тобольск, первыми жителями которого были служилые казаки. Так началась история сибирского казачества, о нем здесь и пойдет речь.

В своей военной тактике свободные казаки не были скованы жесткой военной иерархией и традицией. Поэтому они быстро и органично соединили боевые традиции как своей родины, так и соседних народов. Те же запорожцы, активно используя европейское огнестрельное оружие, многому научились и у своих вечных врагов — татар. Стремительные переходы с одним лишь ружьем, порохом и мешком сухарей, атака линией-лавой с охватом вражеских флангов, ложное бегство (с успехом, кстати, применявшееся казаками в европейских войнах), свирепая дисциплина в походе — традиционные методы степной войны в казачьем арсенале. Как будет показано дальше, сибирские казаки оказались столь же восприимчивыми к особенностям своего «театра военных действий».

Уже со второй половины XVI века намечается четкое разделение казачества на представителей всех упомянутых «вольных» казачьих сообществ и так называемых служилых казаков. Эти последние являлись особым разрядом служилых людей, с самого начала входили в военную организацию Московского государства, и именно из их представителей состояло казачество Сибири. Поэтому, в отличие от расселения вольного казачества, служилые казаки шли в Сибирь по инициативе и приказу московского правительства.

В состав сибирских гарнизонов набирали детей самих казаков, ссыльных преступников, пленных «немцев» (выходцев с Запада), а также «гулящих» и вольных людей с Русского Севера — Великого Устюга, Сольвычегодска, Холмогор и так далее. Поступать на службу можно было с пятнадцати лет, а отставка давалась только по старости, увечью или в виде наказания за проступки.

Путем уже упоминавшегося «прибора» из вышеназванного контингента формировались казачьи «полные приказы» (пятьсот человек), делившиеся на сотни, полусотни и десятки. Набранные казаки получали название по месту поселения, характеру службы (станичный, полковой или городовой) и способу своего обеспечения (вотчинный, поместный или кормовой).

По виду службы и имущественному положению различались «конные» и «пешие» казаки. Конная служба считалась более престижной. «Конных» казаков было сравнительно немного — даже в сибирской столице Тобольске к концу XVII века их было только сто пятьдесят человек. Большинство же сибирских служилых составляли «пешие» казаки. Именно из них состояли отряды первопроходцев Приамурья, и именно на них в 1680-е годы легла основная тяжесть обороны русской Восточной Сибири от маньчжурских армий.

С целью обороны Южной Сибири от нападений кочевников там были созданы поселения так называемых «беломестных» казаков. Для несения пограничной службы они освобождались («обеливались») от всех прочих повинностей и налогов, а их урезанное жалованье компенсировалось щедро отведенной государством землей. Беломестные казаки стали прообразом будущих «станичников».

Специфической сибирской, однако близкой к казакам категорией служилых людей были так называемые «юртовские служилые татары». Главным образом это была туземная знать, принятая на русскую службу и сохраняющая свою религию. К концу XVII века их насчитывалось в Сибири всего около пятисот человек. Они сохраняли свои «родовые» земли, получали небольшое жалованье, за что несли «конную службу» у крупных сибирских городов — Тобольска, Трюмени, Тары, Томска и Красноярска. В случае принятия ими православного крещения «юртовские служилые» становились обычными конными казаками. На их основе уже в XVIII веке были созданы бурятский и тунгусский казачьи полки.

Набором, снабжением и организацией сибирских казаков ведал Сибирский приказ.

Казачий гарнизон в Сибири подчинялся местному воеводе или назначенному последним «приказному» — «голове», «атаману» или «сотнику». «Голова» руководил так называемым «приказом» (сто — пятьсот человек в зависимости от численности гарнизона). Атаманы же и сотники могли иметь в подчинении всего несколько десятков человек. При этом сотник, по существу, отличался от атамана лишь тем, что мог командовать не только казаками, но и стрельцами. Кроме того, командир казаков «литовского списка» (то есть выходцами из Западной Европы) мог также именоваться «ротми-

стром», а командиры служивых из местного населения — «татарским головой».

Перечисленный «офицерский состав» набирался в первую очередь из немногих сибирских дворян и «детей боярских» (низшее дворянское звание). Хотя, как уже отмечалось, в условиях крайнего дефицита в Сибири и тех и других командирами отрядов часто становились и простые казаки.

Командиры занимались набором людей в свой отряд, выдавали им жалованье, судили за мелкие проступки и так далее.

Отношения казачьих офицеров и их подчиненных мало напоминали порядки европейской регулярной армии. С неофициальной властью собраний казаков («войскового круга») были вынуждены считаться не только воеводы, но и московские чиновники. «Круг» мог выбирать приказных (хотя утверждала их царская администрация), выбирать место будущего города, определять целесообразность, сроки, тактику и маршруты военных экспедиций и даже отказать назначенному воеводой командиру в повиновении.

Кроме того, казачий совет с всеобщего ведома и согласия распоряжался казней («коробьем») гарнизона и распределял очередность выполнения казаками наиболее обременительных повинностей. Каждый гарнизон имел свое знамя, под которым ходил в бой или собирался на совещания.

К концу XVII века на всю огромную Сибирь было всего около десяти тысяч служивых людей, средняя численность самых крупных гарнизонов (Албазин, Нерчинск, Красноярск и некоторые другие) не превышала нескольких сотен человек.

В то же время на плечах этих немногих лежало громадное количество забот и обязанностей.

Казаки должны были носиться по всей Сибири, выполняя «годовые службы» (то есть усиливая дальние гарнизоны в случае опасности), служить на таможенных заставах, сопровождать казенные грузы и ссыльных, охранять русские посольства в Китай и Степь, собирать ясак с известных территорий и открывать новые, нести патрульную службу, служить послами и гонцами, перехватывать отряды калмыцких, кыргызских* и монгольских налетчиков. Казаки основали почти все сибирские города, массу острогов и зимовий, были их первыми жителями.

Причем лишь старые и увечные служивые имели право нести «городовую службу» в острогах на охране укреплений, складов и казенных зданий. Подавляющее же большинство казачества было занято на «отъезжих службах».

Казачок спасала лишь назначенная «кругом» очередность в выполнении всех этих поручений, а у богатых была еще и возможность нанять вместо себя кого-то другого. Кроме того, казачьи гарнизоны в отдаленных острогах и зимовьях должны были регулярно сменяться.

Выполнение некоторых «отъезжих служб» было чревато чудовищными человеческими потерями в казачьих отрядах. Так, из ста тридцати двух участников похода Василия Пояркова на Амур погибло более восьмидесяти; из ста пяти казаков, отправившихся с Дежневым на кочах к Берингову проливу, до устья Анадыря добралось лишь двенадцать; из шестидесяти участников похода Владимира Атласова на Камчатку выжило только пятнадцать. Историк Н. И. Никитин справедливо отмечает, что многие дальневосточные экспедиции служивых остались безвестными просто потому, что погибли полностью. В диких просторах Северо-Востока России малейший просчет в обеспечении отряда провиантом был способен покончить с ним даже без помощи морозов, цинги и тунгусских стрел.

Английский колонист в Америке был вооруженным фермером, обязанным защищать лишь свой штат в рядах местной милиции, тогда как военная служба за его пределами была в XVII–XVIII веках делом добровольным. Сибирский же казак был, наоборот, посаженным на землю солдатом. Хотя «отъезжая служба» грозила ему длительной потерей контроля над хозяйством и разорением, он не мог отказаться от нее без риска потери земельного надела или, по крайней мере, льготных прав на владение им. Чтобы не запустить свое хозяйство во время «отъезжей службы», казаки часто доверяли его аборигенам. Такая практика была распространена, например, в Якутии.

И, наконец, как будет показано далее, сибирские и восточноазиатские противники России далеко превосходили казаков числом и отнюдь не напоминали безоружных американских индейцев времен Конкисты.

Подобный груз на плечах сибирских служивых в сочетании с их малочисленностью резко поднимал значение каждого отдельного

* Енисейские кыргызы. — А. Б.

человека, и вышеописанная казачья «демократия» была более чем оправданна. Слишком много зависело от воли и инициативы даже рядовых ее представителей.

Однако если Москве хватило благоразумия мириться с традициями казаков, то оплату правительством их военного труда нельзя назвать иначе, как суровым испытанием на патриотизм. Так, например, для проживания казачья семья (часто многочисленная) получала в год тридцать — пятьдесят пудов хлеба при минимальной норме потребления в двадцать пять пудов на едока. В дополнение казак получал в год четыре — восемь рублей при следующих ценах, например, для Южной Сибири: лошадь — семь рублей, аршин сермяжного сукна — десять копеек, холста — три копейки, кафтан из овчины — один рубль, пуд ржи — тридцать — пятьдесят копеек и так далее. Кроме того, необходимых для службы коней и фураж казаки должны были приобретать за свой счет, хотя огнестрельное оружие получали от правительства. И все это не считая постоянных недостат и задержек как хлебного, так и денежного жалования.

Вообще снаряжение казака было дешево. Так, в 1643 году в Верхотенском остроге «комплект» из коня, мушкета, трех фунтов пороха, трех фунтов свинца, запаса хлеба и мяса оценивался в сумму около двадцати рублей.

Средств для содержания своих семей казак постоянно не хватало, и в дополнение ко всем своим обязанностям они активно занимались земледелием и ремеслом. О служилых земледельцах и ремесленниках мы уже рассказывали в предыдущей главе.

Скупость казны по отношению к своему «восточному мечу» — казаку — проявлялась не только в мизерном жалованье. Совершенно несопоставимы даже выдающиеся заслуги сибирских героев XVII века и полученные ими от государства «разовые» награды. Причем даже в тех случаях, когда первопроходцы приносили казне прямой доход и имели право на значительный процент с него. Приведем лишь несколько примеров.

Иван Москвитин за тяжелейший полуторалетный поход к Сахалину, сражения с сотнями враждебных тунгусов (при том, что казаков было всего тридцать два человека), ценные сведения о потенциальном сельхозрайоне на Амуре, наконец, за доставленные в Якутск четыреста сорок соболиных шкур стоимостью в шестнадцать тысяч рублей

получил чин пятидесятника и... шесть рублей, правда серебром. Для сравнения, в то время за Уралом «новик» (то есть недавно поверстанный молодой помещик) за год спокойной службы получал пять рублей, не считая поместного жалования.

За девятнадцать лет службы в Якутии и на Чукотке, многочисленные ранения и схватки с туземцами, историческое открытие Берингова пролива казачий атаман Семен Дежнев получил сто двадцать шесть рублей. И это при том, что усилиями Дежнева на Севере была собрана и доставлена в Якутск богатейшая «костяная казна» — двести восемьдесят девять пудов моржового клыка на сумму более чем семнадцать тысяч рублей. И это в русской, а не западноевропейской оценке.

Знаменитый казачий голова Афанасий Бейтон в 1686 году руководил обороной Албазинского острога. Ее успех сорвал наступление маньчжурских войск в Приамурье и фактически дал воеводе Головину возможность заключить приемлемый мирный договор с огромной и агрессивной Цинской империей. За эту важную и замечательную победу, одержанную при семикратном превосходстве противника, Бейтон не получил ничего.

В июне 1685 года всего сорок три казака целый месяц удерживали Тункинский острог против десяти тысячного (!) монгольского корпуса Цэцэн-нойона. Острог прикрывал с юга Иркутск, и прорыв к нему Цэцэн-нойона имел бы самые тяжелые последствия для обороны русской Южной Сибири. Однако защитники Тункинска не только выдержали осаду, но и ухитрились отбить трехдневный штурм и даже устроить вылазку (!). Монголы отступили при известии об отряде воеводы Л. К. Кислянского, выступившем из Иркутска на помощь острогу. Кто же получили казаки за подвиг, равного которому, пожалуй, нет в истории войн? В. А. Александров сообщает, что участники обороны получили «по отрезу кумача».

Подобное пренебрежение Москвы к сибирским служилым нельзя оправдать бедностью тогдашней русской казны. Просто потому, что тяжелейшим трудом всего нескольких тысяч сибиряков она ежегодно получала триста тысяч рублей — треть своего дохода.

Нельзя его оправдать и якобы высокими затратами казны на организацию казачьих экспедиций. С финансовой точки зрения

северные плаванья Дежнева или поход Хабарова на Амур были в основном частными предприятиями, организованными на средства самих казаков и «торговых людей». И хотя деньги на экспедицию того же Хабарова дал якутский воевода Д. И. Францбеков, дал он их, в сущности, как частное лицо, с обязательством возврата.

Имея мизерное жалование, казак находился в почти абсолютном распоряжении воеводы. В то же время огромное расстояние до столичной администрации соблазняло многих сибирских наместников на настоящих грабеж своих подчиненных. Если воеводы старались не задевать инородцев, боясь подорвать ясачные платежи и получить нагоняй из Москвы, то рядовой служилый был почти беззащитен перед их произволом. За малейшую провинность его часто и беспощадно пороли, бросали в тюрьму по ложному обвинению для вымогания взяток, обсчитывали при выдаче жалования.

Подобные притеснения и нищенское жалование часто толкали казаков на грабеж местного населения, бегство в неизведанные земли, обьясачивание коренных народов в свою пользу и прочую «самодеятельность». Эти эксцессы были крайне опасны для сибирской политики Москвы, не имевшей там вооруженных сил, кроме самих казаков. Яркий пример последствий подобной недальновидности властей — события на Илимском (Ленском) волоке 1654 года.

Условия службы на волоке были поистине чудовищными. Даже приведенный выше список казачьих обязанностей не исчерпывал всех забот служилых на этом важнейшем транспортном узле, связывавшем бассейны Енисея и Лены. Помимо всего прочего, они были обязаны строить суда для перевозки грузов, причем их стоимость вычиталась из ничтожного жалования служилых. Трудности обзаведения своим хозяйством в подобных условиях усугублялись полным отсутствием каких-либо правительственных «подъемных».

Среда бедствующих казаков стала благодатной почвой для распространения слухов о недавно открытой Даурии (Верхнем Амуре), где можно скрыться от тяжелой «государевой руки». Чтобы недовольная казачья масса перешла к действиям, ей требовался лидер, которым стал казак Верхоленского острога Михаил Сорокин. Двадцать пятого апреля 1654 года с помощью группы единомышленников он захватил

Верхоленск, собрав там отряд из казаков, промышленных и «гуляющих» людей численностью около трехсот человек. Этот отряд получил в правительственных документах название «Воровского полка». По традиции, все важнейшие вопросы решались в казачьем «круге», а ближайшими помощниками Сорокина стали казаки Федор Краснояр и Клим Донщина. Одинадцатого мая отряд отправился на судах к Илимску, по пути перехватывая купеческие и правительственные транспорты с припасами и оружием. В устье Куты в руки мятежников попала целая ярмарка вместе с тысячью рублей таможенного сбора и двумя тысячами соболей. К двадцатому мая отряд вышел в Лену и отправился вниз по реке, — целью Сорокина была богатая Даурия.

Илимский воевода попытался бросить на бунтовщиков казачий отряд Якова Онцыфорова. Однако брат Михаила Сорокина Яков поднял бунт и там. К новоявленным мятежникам присоединились местные крестьяне. Собрав семьдесят пять человек, Яков двинулся к Илимску. Положение илимского воеводы Б. Д. Оладына было отчаянное — после мятежа в его распоряжении осталось лишь десять «старых и увечных» илимских служилых и около семидесяти почти безоружных посадских людей. Только стремление Якова идти вслед за далеко ушедшим на восток братом спасло Илимск от взятия и разграбления. А это означало бы катастрофу и для далекого Якутска, снабжавшегося енисейским хлебом через Илимский волок. При движении на восток ни Яков, ни Михаил не прекращали разбоя, грабя не только купцов и казенные транспорты, но и отказавшихся присоединиться к «полку» казаков. При подходе к Усть-Олекминскому острогу братья наконец соединили свои силы и дальше двинулись вместе.

Чтобы оправдаться перед Москвой, воевода Оладын отправил в погоню за четырьмя сотнями мятежников... десять оставшихся у него служилых во главе с Богданом Черепановым. Последний получил от Оладына бессмысленный приказ остановить бунтовщиков уговорами, а в случае неудачи собрать ополчение из ленских промышленных людей и захватить сорокинцев силой. Четвертого июня Черепанов отписал воеводе, что мятежников ему догнать не удалось, а малочисленные и почти безоружные ленские промышленники наотрез отказались идти на сорокинские ружья. Воевода отлично понимал неизбеж-

ность такого результата, однако в первой же челобитной в Москву с уведомлением о бунте свалил всю вину на Черепанова — что, собственно, и было его целью.

«Воровской полк», скорее всего, добрался до Даурии, однако его дальнейшая судьба неизвестна. Уже в июле 1656 года приказный человек Даурской земли Онуфрий Степанов писал якутскому воеводе М. С. Лодыженскому, что в 1655 году на верховьях Амура «изменили Дючерские люди» и «государевых служилых людей побили, а сказывают: 40 человек было тех служилых людей, а плыли-де они сверху великия реки Амуру вниз в барке» и двух стругах. Степанов также сообщал, что по многим «улусам» в юртах находил много казачьего имущества, а на амурском берегу — сожженные и разбитые суда. Возможно, все это были следы сорокинцев.

Ущерб от бунта был колоссальным. Помимо потери массы захваченных бунтовщиками товаров и важных для снабжения Восточной Сибири судов, сорокинцы увели с собой множество служилых, а также мельников, солеваров и плотников. Уход

опытных мастеров сильно подорвал производство в районе Илимска, очень затруднив восполнение понесенных потерь. Кроме того, судьба оставшейся у воеводы горстки служилых повисла бы на волоске в случае малейшего волнения местных племен. Илимские ясачные тунгусы требовали у воеводы защиты от воинственных соседей, но тот не мог защитить даже самого себя. Так русское правительство расплатилось за притеснение и буквально ограбление тех, кто создавал его сибирское богатство.

На фоне вышеописанного отношения государства, редкость подобных случаев и даже активное сопротивление служилых сибиряков мятежам рисуют их настоящими идеалистами по меркам того сурового времени.

Мировая история колонизаций новых земель, пожалуй, не знает другого примера подобного объема труда, приходящегося на одного колониста, подобной универсальности его умений, подобного превосходства его противников, подобной верности своему флагу и подобной неблагодарности родной страны за все перечисленное.

ВООРУЖЕНИЕ СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Этот обзор мы начнем с самого современного и мощного вида оружия в распоряжении сибирских первопроходцев — артиллерии.

Однако, в отличие от европейских войн, в Сибири XVII века артиллерия не играла особой роли в полевых боях, оставаясь лишь средством взятия и обороны крепостей. В своих походах казаки отряды использовали одно-два малых орудия типа фальконетов с весом ствола около двух пудов и двухсотграммовыми ядрами, летевшими на расстояние до шестисот метров. Такие или близкие по показателям пушки использовали все первопроходцы Сибири от Ермака до Пояркова. Мощи их ядер было достаточно для разрушения тыновых стен враждебных туземных поселений, а картечного заряда — для последующей защиты тех же стен от нападения самих аборигенов. Их легкость позволяла без особых проблем тащить их по сибирскому бездорожью, а малый вес ядер — взять в дальний поход запас до ста выстрелов на одно орудие (поход Пояркова на Амур в 1644 году). Нельзя не учитывать и мощное психологическое воздействие

орудийного грохота на таежных и степных воинов.

В тайге для артиллерии бесполезны колесные лафеты, так что казаки предпочитали устанавливать пушки на речных судах для сочетания мобильности их позиции, прикрытия расчета от ближнего боя и готового упора для выстрела.

В степях применять орудия, даже легкие, было сложнее. Хотя их и можно было поставить на «степные суда» — повозки, но поймать в орудийный прицел скопления кыргызских и монгольских всадников было отнюдь не просто. Не собираясь ждать, когда в их сторону засвистит ядро, кочевники или рассыпались в стороны, или атаковали с другого направления, или просто выходили из-под выстрелов. Атаковать их юрты, чтобы вынудить степняков принять бой ради их защиты, было непросто из-за возможности перекочевки «таборов». Поэтому казаки старались ударить по лагерям противника зимой, когда маневры кочевой конницы скованы, лошади слабы, а юрты не могут откочевать с угрожаемой позиции из-за телящегося скота. Так, в ответ на оса-

ду енисейскими кыргызами Красноярска в 1678 году в поход на них был отправлен отряд в тысячу человек при двух орудиях, под командованием Р. Старкова и И. Греченинова. После нескольких неудачных попыток навязать кыргызам бой, служилые ударили по их лагерю пятого и седьмого февраля, добившись полного успеха.

Не имея возможности захватить русские «острожки» врасплох из-за бдительных «караулов» или прямой атакой — из-за огня русских пушек и пищалей, южносибирские противники России пытались завладеть казачьей артиллерией для ее последующего применения против казачьих же укреплений. Однако из этого, как правило, ничего не выходило из-за отсутствия у кочевников как навыков артиллерийской стрельбы, так и пороха.

Всерьез сибиряки столкнулись с вражеской артиллерией лишь в конце XVII века в Приамурье, в боях с маньчжурскими войсками, имевшими на вооружении двадцатифунтовые «хуньпао». Это были осадные орудия голландского образца, обслуживавшиеся голландскими же артиллеристами.

Поэтому гораздо большее значение в сибирских боях того времени имело ручное огнестрельное оружие.

Из ружей на русском Дальнем Востоке во второй половине XVII века была наиболее распространена фитильная («жагровая») гладкоствольная пищаль, или, иначе, «сибирское фитильное ружье с пружинным замком». Первым его обнаруженным экземпляром стала пищаль из оружейногоклада у села Джазатор в Горном Алтае. Вместе с двумя кольчугами там находился железный ствол фитильного ружья длиной сто тринадцать сантиметров и калибром четырнадцать с половиной миллиметров.

Вообще же, пищалью в то время называлось любое длинноствольное ручное оружие, в том числе европейский мушкет. Последний отличался от русской пищали большим весом, калибром и длиной (до ста семидесяти сантиметров). Мушкеты европейского образца покупались за границей и производились тульскими оружейниками.

Кованый граненый ствол пищали длиной восемьдесят — сто двадцать сантиметров и калибром двенадцать — двадцать сантиметров закреплялся в березовой или кленовой ложе с прямым или расширяющимся к концу («мушкетным») прикладом. Снаружи у казенной части ствола приваривалась полка

для затравочного пороха, через небольшое отверстие в казне сообщавшаяся с забитым в ствол основным зарядом. Замок пищали представлял собой рычаг на пружине, в верхний конец которого вставлялся тлеющий фитиль, а нижний служил стрелку спусковым крючком («жагрой»).

К ружью полагалось множество принадлежностей, которые стрелок носил на «банделире» — носимой через левое плечо перевязи шириной шесть — восемь сантиметров. К ней на шнурах привешивались от восьми до двенадцати деревянных и оклеенных кожей трубок («берендеек»), с заранее отмеренным зарядом пороха на один выстрел в каждой. Кроме того, на банделире с правого бока стрелка висела кожаная сумка с запасом пуль, пыжей, сала и инструментами для чистки оружия. Также к банделиру прикреплялся двухметровый моток фитиля — пропитанной селитрой веревки.

Кроме перечисленного, стрелок имел огниво, отвертки, шило для чистки запала, шомпол, флягу с маслом для смазки оружия и пороховницу-натруску с отборным затравочным порохом. Чтобы уберечь тлеющий фитиль от непогоды, использовался «ночник» — металлическая трубка с зажимом и вентиляционными отверстиями. В середине XVII века стрельцам для поддержания боеготовности ежемесячно отпускалось: один фунт (четыреста девять грамм) пороха, два фунта свинца и четыре фунта фитиля на человека.

У стрельцов запасной порох и пули носили каптенармусы в специальных сумках и «каптенармусных бочках», обитых кожей для предохранения от сырости.

Естественно, что здесь перечислен полный комплект принадлежностей у идеально снаряженного стрелка, нечасто встречавшегося в огромной и дикой Сибири, за тысячи километров от ремесленных и оружейных центров Европейской России. Нехватку снаряжения служилые люди должны были восполнять подручными средствами.

Чтобы держать оружие постоянно готовым к выстрелу, солдат должен был отрезать кусок фитиля, поджечь его конец и непрерывно следить за его горением, продергивая фитиль в зажиме по мере его прогорания, раздувая капризный огонек или помещая его в «ночник».

Заряжение ружья производилось в несколько приемов. Сначала стрелок засыпал в дуло порох из зарядца и помещал туда же просаленный пыж. То и другое он плотно

прибивал к казенной части ствола шомполом (деревянным или металлическим стержнем), после чего таким же образом забивал в ствол пулю и второй пыж. Просаленные пыжи очищали ствол внутри от нагара предыдущего выстрела и не давали заряду выпасть при опускании дула оружия вниз. Затем стрелок вставлял в зажим на верхнем конце курка тлеющий фитиль и насыпал на полку затравочный порох. В целом зарядные фитильного мушкета насчитывало более ста стандартных движений-приемов.

Совершение всех этих операций среди грохота, звона клинков и воплей сражения требовало недюжинных ловкости и хладнокровия. Дождь, способный погасить фитиль или смочить затравочный порох, мог сделать стрельбу почти невозможной и стать причиной поражения. Однако даже в ясную погоду скорострельность фитильных ружей не превышала одного выстрела в две минуты для пеших стрелков и была совершенно невозможна с лошади на скаку.

Если стрелок все-таки успевал перезарядить пищаль, он опирал его ствол на какую-нибудь опору (чаще всего на бердыш) и наводил на цель. Целиться слишком долго не имело смысла. Из-за неровного горения пороха, значительного зазора между пулей и стенкой ствола, оставленных на этой стенке царапин от шомпола попадание в мишень размером с человека можно было гарантировать с расстояния не больше семидесяти метров. Как правило, мушкетеры XVII века вели огонь залпами по команде. Туча свинца буквально носила атакующих врагов, и уклонение в сторону одной-двух пуль значения уже не имело. Кроме того, гладкоствольную пищаль можно было зарядить сразу несколькими пулями. Такой картечный выстрел был еще менее точным, зато при выстреле в упор по плотному вражескому строю им можно было поразить сразу несколько противников.

Прицелившись, стрелок спускал курок, всей ладонью прижимая его нижнюю часть к шейке приклада. При этом тлеющий фитиль в зажиме опускался на полку. Затравочный порох с шипением вспыхивал, опалая правую щеку и волосы приложившегося к прицелу солдата, и через отверстие в казне поджигал основной заряд в стволе. Тот с оглушительным грохотом взрывался, выбрасывая из ствола пулю и всаживая приклад в плечо стрелка отдачей, сравнимой с ударом лошадиного копыта.

Однако попадание в цель (если оно все же было) возмещало все испытанные стрелком неудобства. Удар пули весом двадцать пять — сорок пять граммов (в зависимости от калибра ружья) вышибал из седла тяжелооруженного всадника или валил его вместе с лошадью. Кроме того, время подготовки хорошего мушкетера (месяц-другой), несмотря на всю неуклюжесть фитильных ружей, было все-таки несравнимо со временем тренировки опытного лучника (до нескольких лет).

С начала XVII столетия на русских ружьях все чаще стал применяться ударно-кремнёвый («самопальный») замок. Кремневые ружья ничем не отличались от фитильных, кроме способа поджога затравки. Наиболее распространенным в XVII веке был так называемый французский батарейный замок. Вместо постоянно тлеющего фитиля такие ружья имели изогнутый курок на пружине. Вверху курок имел захват для кремня (кусочка серного колчедана), а внизу был соединен с крышкой для полки и спусковым крючком. Перед выстрелом солдат поднимал (взводил) курок, прицеливался и нажимал на спуск. Кремень с силой ударял по металлической полке, выбитыми на ней искрами поджигая затравку и основной заряд в стволе. Одного кремня хватало в среднем на двадцать — тридцать выстрелов.

У кремневых ружей был целый ряд преимуществ перед фитильными. При взведенном курке соединенная с ним крышка плотно закрывала полку, защищая затравочный порох от сырости и обеспечивая постоянную готовность к выстрелу. Теперь стрелку не приходилось одновременно возиться с тяжелым ружьем, следить за тлением фитиля и держать наготове «ночник». Скорострельность пеших мушкетеров к XVIII веку возросла до трех-четырёх выстрелов в минуту. Новые замки были особенно популярны у кавалеристов, так как из кремневых ружей можно было стрелять на скаку. Благодаря новому замку в арсенале всадников появились пистолеты и укороченные «завесные пищали» (то есть с ремнем для ношения) — карабины.

На Дальнем Востоке замки от кремневых ружей той эпохи были обнаружены, в частности, профессором А. Р. Артемьевым в 1991 году при раскопках знаменитой Албазинской крепости, выдержавшей осаду маньчжуров в 1686 году.

Тем не менее в русской армии XVII века кремнёвый замок вытеснял фитиль-

ный довольно медленно. Служилые люди считали фитильный замок более дешевым, простым в ремонте и (не всегда) более надежным.

Еще одним видом запала был изобретенный в Европе в начале XVI века колесцовый замок. При спуске курка предварительно заведенный ключом механизм начинал быстро вращать колесико («колесцо») с зажатым в нем пиритом. Трение пирита создавало искру, которая и поджигала затравку. Однако из-за чрезвычайной сложности, дороговизны и чувствительности к загрязнению оружие с колесцовым замком в Сибири почти не использовалось.

Тогдашний ружейный порох состоял из трех плотно смешанных компонентов — серы, селитры и угля. Главным компонентом была калиевая селитра, представлявшая собой нитрат калия — продукт разложения органических остатков. Выходы на поверхность этого беловатого коркообразного вещества были обнаружены в Восточной Сибири в районе Баргузинского острога (Забайкалье). Достаточно часто она встречалась и на родине ранних пороховых составов — в Китае, где использовалась для фейерверков уже в первые века нашей эры. Широко распространенной в Европе и Азии была добыча селитры из загонов для скота, где она образовывалась благодаря слою навоза. Вторым компонентом пороха была желтоватая природная сера, а третьим — древесный уголь, получаемый пережиганием дерева в бедной кислородом среде — например, под слоем дерна.

Принцип действия пороховой смеси сводился к следующему. От касания пламени жарко вспыхивала сера. Она поджигала служивший топливом уголь, горение последнего освобождало селитренный кислород, который, в свою очередь, усиливал горение угля. Смесь, состоящая из семидесяти пяти процентов селитры, пятнадцати процентов угля и десяти процентов серы, вспыхивала мгновенно, давая огромное количество стремительно расширяющихся газов. Однако в прочном и узком канале ружейного ствола эти газы могли вылететь лишь через дуло. И они с грохотом вырывались из него, выбрасывая из ружья пулю, огонь взрыва и дымное облако негоревших остатков заряда. Причем на это бесполезное с точки зрения энергии выстрела облако тратилось не менее сорока процентов зарядной массы.

Главной проблемой изготовления пороха было тщательное измельчение его компонентов на мельницах или в ступках для их лучшего смешивания. Это была трудоемкая и опасная процедура, так как в процессе трения жерновов или песта смесь могла взорваться от малейшей искры. В итоге получалась пороховая мякоть — мелкий и липкий порошок, называвшийся в Европе «серпентина». Именно он сначала и состоял на вооружении стрелков. С XVI века в России, а с XVII века — в Корее и Китае осваивается изготовление зернистого пороха. В пороховую мякоть добавлялась жидкость (например, винный спирт), а полученная слипшаяся масса продавливалась через мелкое сито. Зернистый порох был вдвое мощнее мякоти за счет лучшего смешивания компонентов, намного менее чувствителен к атмосферной влаге и облегал зарядные, — в отличие от липкой «серпентины», пороховые зерна под собственным весом сами катились к ружейной казне. Однако сибирские служилые люди вплоть до XVIII века чаще использовали мягкий порох. Причем не только из-за его дешевизны, но и из-за возможности при наличии селитры изготовить его буквально «на колене», в таежных условиях.

Хотя русские власти запрещали частным лицам вывозить огнестрельное оружие за рубеж, они всячески поощряли частное владение им, в том числе и представителями общественных низов. Так получалось выгоднее для государства, которому постоянно не хватало войск для обороны гигантской сухопутной границы. Поэтому, в частности, оборона городов в то время возлагалась не столько на постоянные гарнизоны, сколько на посадское население в порядке повинности.

Так, например, крестьяне южного пограничья России, подверженного постоянным нападениям крымцев, в XVII веке часто выходили на жатву буквально с серпами и мушкетами. Что же касается Сибири, где опасность грозила всегда и отовсюду — от враждебных туземцев до маньчжурской армии, — то там вооруженные крестьяне и посадские люди тем более не вызывали удивления и власти даже издавали для них соответствующие «наказы».

Причем ружья продавались по вполне доступным ценам. Так, например, в середине XVII века в Европейской России европейский фитильный мушкет русской

работы стоил в среднем полтора рубля. В Сибири к концу столетия ружья стоили три — три с половиной рубля. Учитывая, что в Нерчинске пуд ржи стоил в семидесятые годы тридцать пять копеек, позволить себе покупку «огненного боя» мог и средний байкальский земледелец.

Помимо описанного гладкоствольного оружия, в Сибири изредка применялись нарезные «винтовальные пищали», или, попросту, винтовки. В XVII веке они были устроены точно так же, как мушкеты, за исключением наличия в их стволах нескольких спиральных нарезов. При выстреле они закручивали круглую пулю вокруг своей оси, делая траекторию ее полета намного более устойчивой и предсказуемой. Это делало винтовку любимым оружием метких стрелков. Однако ее широкое использование в европейских армиях той эпохи и тем более в Сибири сдерживалось сразу несколькими факторами.

Во-первых, винтовки, подобно мушкетам, заряжались с дула. Однако нарезы сильно затрудняли стрелку проталкивание пули шомполом вниз, до казны. Кроме того, в нарезах скапливался пороховой нагар от предыдущих выстрелов, и вычистить его оттуда было нелегко. Для этого стрелкам приходилось обертывать заряжаемые пули промасленными пыжами — проталкиваемые вниз шомполом, они попутно очищали ствол оружия. Из-за всего этого процесс заряжения «винтовальной пищали» был в среднем в два-три раза дольше, чем у простого мушкета, и так не отличавшегося скорострельностью.

Во-вторых, чтобы облегчить стрелку действие шомполом, тогдашние оружейники были вынуждены делать винтовкам сравнительно короткий ствол. В результате при вылете из него пуля не могла набрать большой начальной скорости, что снижало эффективную дальность выстрела. Если при выстреле на дистанцию до ста метров еще можно было целиться в голову мишени, то далее пуля теряла скорость и начинала резко «падать» вниз, теряя как точность, так и пробивную силу.

И, наконец, в-третьих, трудоемкое высверливание стволовых нарезов резко удорожало производство винтовки. К тому же делать эти стволы нужно было из лучшей стали и с толстыми стенками. Дело в том, что из-за прохождения по жестким нарезам пуля теряла скорость, и без того

небольшую при коротком стволе. Для компенсации этой потери стрелки были вынуждены использовать гораздо более мощный и качественный пороховой заряд, чем в гладкоствольных ружьях. Такой заряд при выстреле запросто мог взорвать ствол из обычного материала.

По этим причинам стоимость винтовки в России XVII столетия достигала восьми — десяти и более рублей, то есть в пять-шесть раз дороже обычного гладкоствольного мушкета.

Тем не менее мы не можем обойти вниманием винтовку XVII столетия хотя бы потому, что ее экземпляр хранится в Хабаровском краеведческом музее имени Н. И. Гродекова. Представленное там оружие было весьма недешево для своей эпохи: помимо дорогого нарезного ствола, музейная винтовка имеет также практически «золотой» для XVI–XVII веков колесцовый замок.

Поскольку таежные противники сибирских служилых гораздо чаще ружей использовали луки, защитное вооружение продержалось у сибиряков дольше, чем в европейских войсках России. Из доспехов среди сибирских служилых людей в то время были наиболее популярны кюак, кольчуга и панцирь, в XVII столетии вполне защищавшие от оружия местных народов. Кюак представлял собой металлические пластины, нашитые на тканевую или кожаную основу, причем большие пластины прикрывали грудь и спину воина, а меньшие — живот и бока. Его ближайшим аналогом была европейская «бригантина». Из трех названных видов доспеха кюак был самым дешевым и легко изготавливаемым. Кольчуга имела лучшие защитные свойства, не сковывала движений, но была довольно тяжелой (восемь — семнадцать килограммов в зависимости от длины подола). Наиболее же популярным был панцирь из мелких пластинок. Пластины имели наверху несколько небольших отверстий, через которые шнуровкой или заклепками скреплялись рядами, наподобие рыбьей чешуи. Как и кольчуга, панцирь имел рукава и разрезы впереди и сзади подола для большей свободы движений. Обладая эластичностью и защитными свойствами кольчуги, он был гораздо легче ее (пять — семь килограммов) и, кроме того, дешевле в изготовлении (пять — десять рублей). О популярности панциря можно судить по его тогдашней меновой стоимости

среди южносибирских народов — до сорока соболей.

Для смягчения вражеских ударов и увеличения защитных свойств металлических доспехов под них, как правило, надевали стеганые ватники.

В Приамурье и Забайкалье служилые использовали множество видов шлемов — от простых шишаков и стеганых «шапок» до кавалерийских шлемов с длинным назатыльником и опускающейся на лицо решеткой-забралом.

Из холодного оружия русские применяли в Сибири практически все, что могли привезти туда с Запада. Традиционный русский длиннолезвийный топор-бердыш был для казака или стрельца поистине универсальным оружием. Благодаря длинному (до шестидесяти сантиметров) лезвию и его заточенному верхнему краю бердыш мог использоваться как эффективное рубяще-колющее оружие в одиночном ближнем бою (то есть вне строя). На нижнем конце

длинного древка бердыш имел железное копыце, что позволяло воткнуть его в землю и использовать как опору для ружья или преграду для конницы. Таким образом, вооруженный бердышом и пищалью русский стрелец совмещал в одном лице западноевропейского мушкетера и пикинера. Носили бердыш на ремне с спиной. При всей своей универсальности стоило это оружие недорого — в середине XVII века тульские бердыши поставлялись служилым по цене пятнадцать копеек за штуку.

Очень популярными среди казаков были легко изготавливаемые, но весьма эффективные в скоротечном бою топоры и кистени. Широко употреблялись служилыми почти неизвестные на севере и востоке Сибири азиатские, русские, польские и венгерские сабли. Носили их не на перевязи, как в Европе, а на поясе. Для схватки в тесном подлеске, где было не размахнуться бердышом, в ход шли ножи, булавы, дубины, ружейные приклады и прочее.

РУССКАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ В СИБИРИ

Завершая обзор средств, имевшихся в распоряжении русских в столкновениях с враждебными сибирскими аборигенами и иноземными армиями, следует сказать несколько слов об искусстве фортификации. Местные противники России отлично понимали роль острогов, на пороховые и продовольственные запасы которых опирались отряды служилых людей. И неизбежные потери при их штурме казались туземным «князям» более чем оправданными. Служилые, со своей стороны, делали все, чтобы эти штурмы провалились еще до их начала.

Восточнее Уральского хребта можно выделить три основных типа русских оборонительных сооружений. Это зимовье, острог и город. Именно здесь складывались необходимые для войск припасы, накапливался, учитывался и отправлялся на запад драгоценный пушной ясок.

Самым простым и быстрее всего возводимым было зимовье. Оно представляло собой избу с боевой надстройкой наверху, как, например, Верхозейское и Долонское зимовья в Приамурье. Иногда же зимовье состояло из нескольких близко расположенных и соединенных стенами изб с внутренним закрытым двором. Главной особенностью зимовий было соединение в их помещениях

жилых и оборонных функций. Где жили, оттуда и стреляли.

В остроге же стены и защитные башни образовывали периметр, внутри которого находились специальные жилые и хозяйственные постройки. Возведение острога начиналось с обмера места, после чего в Москву отправлялась смета. Там ее утверждали и присылали специалиста-«градодельца», который и начинал строительство. В связи с трудностью согласования постройки с Москвой, в удаленных восточносибирских уездах первопроходцы должны были получить разрешение на возведение острога у отправившего их воеводы. Воевода сообщал о строительстве в Сибирский приказ, где его инициатива обычно поддерживалась. Чертеж, модель или описание нового острога обязательно высылались в столицу. Крупнейшими острогами на русском Дальнем Востоке в XVII веке были Албазин в Приамурье и Нерчинск, Селенгинск и Баргузинск в Забайкалье.

Остроги, возведенные без разрешения, обычно уничтожались. Однако казаки в походе порой сами строили временный острог для зимовки, а с наступлением весны уничтожали опустевшее укрепление и двигались

дальше. Так, например, поступал на Амуре в начале 1650-х годов Ерофей Хабаров.

На сибирских реках также практиковались «разборные» остроги. Стены и башни раз возведенного форта разбирались, связывались в плоты и перегонялись на новое место той же реки или ее притока, где и собирались в новый форт. Так, например, в 1658 году был основан знаменитый Нерчинск. При неожиданной военной угрозе или изменении границ ясачных угодий метод «разборных» острогов давал большую экономию времени, сил и материалов.

Постройка малого острога в Сибири могла занять две-три недели, крупной же крепости — до двух лет.

Стены сибирских острогов обычно образовывали прямоугольник с выступающими башнями для перекрестного обстрела атакующего противника. Башни, впрочем, строились не всегда, как, например, у основанного в Приамурье в 1681 году Аргунского острога. Для затруднения противнику доступа к стенам последние могли окружаться рвом и «надолбами».

Сами же стены укреплений могли иметь устройство трех видов — «городня», «тарас» и «тын».

Стена — «городня» — представляла собой непрерывную цепь заполненных землей и камнями деревянных изб-срубов.

«Тарас» являлся упрощенным вариантом «городни». Он состоял из двух параллельных деревянных стен, пространство между которыми заполнялось землей.

Собственно говоря, остроги, имевшие дерево-земляные стены, и назывались в Сибири «городами».

Важнейшим преимуществом «тараса» и «городни» была практически полная неуязвимость по отношению к артиллерии. Двадцати-, сорокафунтовые ядра, даже пробив внешнюю деревянную стену, бессильно зарывались в землю позади нее. Кроме того, в основном земляная стена успешно сопротивлялась одному из любимых приемов аборигенов, а затем и маньчжурских войск — поджогу стены с помощью набросанных под нее при штурме горящих дров. Недостатком же «тараса» и «городни» была длительность постройки.

Устойчивость этих стен к пушкам долго не казалась сибирским колонистам основанием для их постройки в силу отсутствия артиллерии у местного населения и периодически налетающих степняков — монголов

и кыргызов. И если на западной границе России срубы внутри «городни» действительно заполнялись землей, то, например, в стене Тобольска они использовались просто как дополнительные помещения.

Поэтому, вплоть до знакомства русских с маньчжурской артиллерией в конце XVII века, наиболее частым видом стены был быстро строящийся «тын». Заостренные колья-тычины частоколом вкапывались в землю и укреплялись горизонтальными связями. С внутренней стороны стена имела служивший дополнительной опорой для нее помост («бой») для стрелков. Иногда все это сооружение усиливалось башнями и земляным валом. Высокий «тын» давал надежную защиту от луков туземцев и их прямого штурма.

Но зачастую горстка казаков, находясь на враждебной территории и ежеминутно ожидая нападения, не успевала построить даже описанный прямой «тын». Тогда возводилась еще более простая «косая» стена. Тыновые бревна не вертикально вкапывались в землю, а просто упирались в нее, косо укладываясь остриями внутрь на заранее установленный позади них стрелковый помост. Такой «Косой острожек» был возведен казаком Семеном Шелковником в 1649 году неподалеку от теперешнего Охотска.

В 1685 году прямые тыновые стены имела русская «столица» Приамурья — Албазинский острог. Но, когда летом его атаковал цинский экспедиционный корпус, двадцатифунтовые маньчжурские «хуньпао» за один день в шапки разнесли тыновые частоколы, при этом погибло около ста защитников из четырехсот пятидесяти. По свидетельству русских очевидцев, некоторые тяжелые ядра «сквозь острог проходили». Воевода Толбузин был вынужден на почетных условиях сдать крепость и уйти в Нерчинск. Однако, соединившись там с подоспевшим «полком» Афанасия Бейтона и узнав, что маньчжуры ушли из занятой крепости, он принял решение вернуться в Приамурье, отстроить Албазин и на сей раз удержать его. В строительстве новой крепости участвовал бывший прусский (по некоторым источникам — британский) наемный офицер А. И. Бейтон. Благодаря его познаниям в фортификации новый Албазин был укреплен по всем правилам современной европейской военной науки. Помимо постройки мощных дерево-земляных стен, по периметру последних были сооружены

выступающие платформы-бастионы для перекрестного огня. Благодаря новым укреплениям и мужеству защитников Албазин выдержал второе маньчжурское нашествие летом-осенью 1686 года, несмотря на семикратный перевес противника в численности, непрерывные бомбардировки, три ожесточенных штурма и свирепствовавшую в остроге цингу. Отстроенная Бейтоном и Толбузиным Албазинская крепость стала вершиной русского фортификационного искусства в Восточной Сибири конца XVII века.

Орудия в острогах располагались в башнях или на возвышенном ровном «накате» в центре укрепления для быстрого разворота стволов в любую сторону. Центральный накат имел, например, Ачанский городок, возведенный Е. П. Хабаровым в низовьях Амура.

Остроги обычно возводились для контроля над транспортными путями, то есть чаще всего по берегам рек. Из-за этого во время половодий река периодически подтапливала их стены, вынуждая перестраивать их или вообще оставлять укрепление. Так, Якутский острог на Лене, основанный в 1632 году, трижды переносился из-за подмыва рекой, прежде чем оказался на месте современного Якутска.

Для строительства мощных укреплений на слабом грунте использовался метод так называемого ленточно-свайного фундамента. По периметру возвышения, на котором возводился острог, копали траншею до тех пор, пока на ее дне не показывался плотный грунт. В этот грунт забивались деревянные бревна-сваи, после чего траншея засыпалась. Зарытые сваи предотвращали сползание склонов возвышения под тяжестью стен и строений острога.

Описанные казачьи укрепления в Южной и Восточной Сибири были крепким орешком даже для многотысячных маньчжурских, монгольских и кыргызских отрядов. Совершенство фортификации, огнестрельное оружие и отчаянная стойкость защитников вполне возмещали их малочисленность. В то же время вторгающиеся степняки не могли ни быстро взять русскую крепость, ни обойти ее, подставив гарнизону свои сообщения и пути снабжения в дикой тайге. Так, основанный в 1628 году Красноярский острог клином врезался между владениями враждебных кыргызских и бурятских князцов, сильно мешая им ко-

ординировать свои нападения. Все попытки князей взять Красноярск провалились, даже несмотря на поставки огнестрельного оружия из Джунгарского ханства.

Однако крупные остроги не могли перекрыть все дороги из Степи на север. Поэтому более частыми были налеты на русскую территорию мелких кочевых шаек, способных жить и воевать, что называется, на «подножном корму». Они просачивались сквозь цепи пограничных острогов, уклоняясь от сражений с отрядами служилых. Оказавшись в глубине русских владений, такие шайки внезапно налетали на мирные деревни, жгли дома и посева, захватывали в плен и убивали население.

Постоянное истощение старых и необходимость захвата новых пастбищ, застойность быта кочевников способствовали длительному сохранению у них военного уклада жизни. При отсутствии в Северной Монголии единого государства каждый монгольский князек считал себя вправе вести собственные войны, грабя как оседлое аборигенное, так и русское население Южной Сибири. Кроме того, заключив мирный договор с одним русским городом, кочевники считали себя свободными от всяких обязательств по отношению к другому. Поэтому пограничная борьба с ними никогда не прекращалась, и в ней мало помогали стены фортов.

Как уже отмечалось выше, в целях обороны от разбойничьих налетов власти прямо предписывали крестьянам обзаводиться мушкетами и пиками, не расставаться с ними даже на полевых работах или при заготовке дров. Прямо на пашнях строились бревенчатые «клетки» для круговой обороны, а сами деревни окружались сторожевыми башнями и оградой из «надолбов» — соединенных крест-накрест бревен.

Единственным эффективным средством против степных разбойников сибирские воеводы считали карательные походы в Степь силами одного или нескольких пограничных городов. Зимний поход позволял служилым настичь малоподвижные от бескормицы кочевые «таборы», навязать степнякам прямой бой и использовать преимущество в ружьях и артиллерии. Последующий же разгром враждебных кочевий должен был, по мысли сибирских наместников, надолго отбить у степняков охоту к грабежам. Так, в 1692 году в ответ на очередную серию нападений тубинцев, семьсот тридцать

ратников полковника Д. И. Многогрешного наголову разгромили тубинские отряды на реке Кан, сильно подорвав позиции их хозяев — кыргызских князей. При всей

изобретательности русской фортификации в Сибири и стремлении колонистов жить мирным крестьянским трудом их лучшей защитой по-прежнему оставалось нападение.

ВОПРОС ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРЕВОСХОДСТВА РУССКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СТОЛКНОВЕНИЯХ С СИБИРСКИМИ АБОРИГЕНАМИ

В подавляющем большинстве вооруженных столкновений как с аборигенами, так и маньчжуро-монгольскими войсками русские служилые люди выступали в меньшинстве. Вполне обычным было двойное и тройное численное превосходство противника. Хабаров сражался с маньчжуродаурским отрядом под Ачанским городком, уступая противнику в численности в десять раз, казаки удерживали Албазинский острог в 1686 году при семикратном перевесе маньчжуров. В сражении за Селенгинск в 1688 году отряд полковника Скрипицына из пятисот стрельцов был атакован трехтысячным монгольским отрядом, причем в открытой степи. Сорок три защитника Тункинского острога целый месяц держались против десяти тысячного монгольского корпуса Цэцэн-нойона летом 1685 года. И во всех этих схватках русские вышли победителями.

Нередки попытки объяснить эти успехи русских по аналогии с успехами испанских конкистадоров XVI века в сражениях с американскими индейцами. Однако последние не знали ни железа, ни лошадей, ни пороха, чего никак нельзя сказать о народах Сибири, особенно ее южной части. Тем не менее появился известный миф о сибирской истории, что победы русских над аборигенами обусловлены исключительно их военно-техническим превосходством. Прежде всего это касается доспехов, более совершенной фортификации и огнестрельного «чудо-оружия». Чтобы оценить степень правдивости этого мифа, стоит для начала сравнить возможности русской пищали с возможностями главного метательного оружия сибирских аборигенов — составного лука, а также оценить степень доступности «чудо-оружия» для самих туземцев.

Составной восточноазиатский лук так называемого монгольского типа, изготавливаемый из дерева, кости и рога, к XVII веку стал вершиной лучного искусства. По его сохранившимся образцам и реконструкции на

основе старинных технологий можно примерно представить его боевые возможности.

Ружья того времени уступали таким лукам по легкости, меткости стрельбы и скорострельности, превосходя их пробивной силой, мощью массивованного залпа и намного меньшим временем освоения. Кроме того, если от лучника требовались искусство и недюжинная сила, то от мушкетера — ловкость и собранность.

Особенно вопиющей была разница в скорострельности. На один выстрел фитильного мушкета лучник мог ответить как минимум десятью-двенадцатью стрелами. В сражениях с участием многочисленных масс пехоты низкую скорострельность отдельных мушкетеров можно было до известной степени компенсировать организацией огня. Европейская пехота XVII века вела огонь методом «караколе», или «плутонга». Пехотное подразделение строилось в несколько шеренг. Передняя шеренга давала залп, отходила за спины следующей за ней, и та давала второй залп. Тем временем первая перезаряжала мушкеты и снова выходила вперед для залпа, так что огонь батальона превращался в непрерывно крутящийся «балет». Поочередный мушкетный огонь шеренгами позволял использовать преимущество опустошительного залпа, и в «правильных» вооруженных столкновениях ружье побеждало лук. Так, агент английской Московской компании Джером Горсей отмечал в своих записках, что в ходе Ливонской войны одна тысяча двести пленных шотландских наемников были приняты на русскую службу и вооружены ружьями. Этот отряд сражался с татарами успешнее, «чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами».

Однако проблема состояла в том, что такие «правильные» бои в Сибири происходили весьма редко. Многошеренговые построения и плутонговый огонь были очень затруднены крайней малочисленностью отрядов русских служилых людей (главным

образом двести — четыреста человек) и почти всегда пересеченной таежной местностью. Поэтому активная стрельба велась лишь при обороне острогов или в речных сражениях. Полевая же схватка после первого (и часто единственного) залпа тут же переходила к рукопашной. Туземный воин мог бегом преодолеть расстояние пищально-го выстрела (максимум сто — сто двадцать метров) за полминуты, не оставляя казаку времени на перезарядку ружья. Или просто засыпать противника стрелами из-за дерева.

Поэтому, если казаки не могли вести залповый огонь или во время перезарядки ружей их не прикрывал острожный «тын», индивидуальная перестрелка с меткими таежными лучниками представляла для них большую опасность. Не говоря уже о том, что дождь или даже просто высокая влажность воздуха превращали фитильные ружья в простые дубины.

Аборигены быстро поняли преимущества своих луков. Даже в XX веке жители Таймыра предпочитали их винтовкам, полагая, что при внезапном нападении волка или появлении дичи лук можно быстрее подготовить к выстрелу. Кроме того, для жителя тайги изготовление запасных стрел представляет на порядок меньшую проблему, чем поиски пороха и пуль для казака.

Как правило, восточно- и центрально-азиатские воины имели два лука. Меньшие и более скорострельные луки использовались на охоте, а большие и тугие — в боевых стычках. Сила натяжения боевых китайских и монгольских луков достигала более шестидесяти шести килограммов. Характерно, что сильный, но непривычный к луку современный человек не может выстрелить из них далее восьмидесяти метров. В то же время на «Чингисовом камне» в Монголии сохранилась надпись о выстреле племянника Чингисхана нойона Исункэ на триста тридцать пять «маховых саженей» (семьсот двадцать пять метров), хотя это, конечно, уникальный результат. Средняя прицельная дальность тренированных английских лучников XIV века по мишени размером с человека достигала двести метров. Для сравнения: современный рекорд неприцельного выстрела из лука достигнут в 1970-х годах и равен шестистам девятистам одному метру, а прицельно спортсмены стреляют не далее ста метров.

В условиях боевых действий или охоты на крупного зверя для «убойного» выстрела

из лука в средневековой Сибири оптимальной считалась дистанция в шестьдесят метров, что сопоставимо с эффективной дальностью тогдашних ружей. Попаданий без промаха требовали от своих лучников и маньчжурские офицеры империи Цин. Изучавшим азиатские луки американским антропологом удалось с этого расстояния убить двух взрослых медведей, попав в грудь одному и в сердце другому. Дальность для точной стрельбы с коня была несколько меньшей. Однако буряты и тунгусы были способны на скаку расколоть пущенной стрелой прут, воткнувший в землю.

Подобная меткость требовала не только «рождения с луком в руках», но и высочайшей точности в изготовлении стрел, нередком служивших среди сибирских народов средством обмена. У тунгусов наиболее популярным оперением для стрел были перья дятла и сойки.

Кроме точно изготовленных стрел, не меньшее значение для меткости имела природная зоркость сибирских народов. Так, у племени селькупов зорким воином признавался тот, кто умел рядом со звездой Мицар (средняя в ручке ковшка Большой Медведицы) различить ее спутник Алькор.

Для поражения тяжеловооруженных воинов использовались стрелы с бронебойными наконечниками. Тем не менее пробить панцирь или латы из луков монгольского типа можно было разве что в «самый упор». Так, при современных испытаниях арбалет конструкции XVI века с силой натяжения сто шестьдесят пять килограмм (то есть в два с половиной раза мощнее монгольского лука) выстрелом пятидесятиграммовым болтом всего лишь с пятиметрового расстояния пробил стальную пластину толщиной в один и три десятых миллиметра на глубину в пять миллиметров, что в боевых условиях означает лишь легкое ранение. Широко известные победы английских лучников над французскими рыцарями в ходе Столетней войны были вызваны не столько пробиванием лат рыцарей, сколько поражением их лошадей зазубренными стрелами, из-за которых те начинали биться от боли и сбрасывать всадников. Стеганные «бумажные» кафтаны русских стрельцов XVI века выдерживали стрелы крымских татар с пятидесяти метров.

Поэтому в пробивной силе с XVI века абсолютно лидирует огнестрельное оружие, чем и была вызвана его популярность.

Мушкеты XVI—XVII веков на расстоянии в сорок — шестьдесят метров были способны пробить любую металлическую защиту толщиной в один миллиметр и даже более. Пеший латник с мушкетом уже имел некоторое преимущество перед таким же латником с луком. Хотя на каждый выстрел мушкетера лучник и ответит целым градом стрел, целиться он должен в незащищенные части тела противника. В то же время мушкетеру достаточно просто навести ружье на силуэт врага и нажать спуск. Об этом нужно помнить при сравнении возможностей лука и ружья в сибирских боях, особенно учитывая, что казацкие отряды были неплохо снабжены доспехами. Так, при снаряжении в поход на Амур отряда В. Д. Пояркова казаки на сто тридцать два человека получили семьдесят превосходных якутских куяков, десять панцирей, семнадцать «шапок» (видимо, стеганных шлемов), а также «десетеро зарукавье (наручей)» и «двой наколенки».

Даже дешевый куяк хорошо держал попадания стрел, сильно повышая шансы служилого на выживание. Известен случай, когда в 1676 году казак Степан Лаврентьев во время преследования мятежных якутов опередил товарищей и схватился с двумя противниками сразу. Лаврентьев получил от каждого из них по несколько стрел, однако все попадания (некоторые, видимо, в упор) пришлось в куяк. Тем временем казаку удалось поразить копьем одного врага, а затем развернуться и настичь второго, сделавшись лишь раненой лошадью.

И все-таки, на взгляд автора, некоторые исследователи склонны преувеличивать описанное защитное преимущество казаков в перестрелке. По их мнению, секрет русских побед над многочисленными аборигенами прост. Стремясь уберечь своих трудоспособных мужчин от тяжелых потерь в рукопашной схватке, туземцы стремились выбрать казаков стрелами издалека. Однако стрелы отскакивали от доспехов казаков, в то время как русские мушкеты наносили аборигенам сокрушительный ответный урон. Поэтому число нападающих туземцев фактически не имело значения, и именно их страх перед потерями мужчин и будущими хозяйственными трудностями делал несовершенные мушкеты русских «супероружием».

Автор полагает, что если такая схема и действовала, то лишь в самых первых боях. В более поздних схватках (а речь идет

о военных действиях в течение полувека, причем часто с одними и теми же племенами) она вызывает у автора сомнения как минимум по трем причинам.

Во-первых, сибирский казак вовсе не был ходячей стальной башней, вроде европейского рыцаря XV века, — панцирь защищал только корпус служилого, конечности и лицо были открыты. Наденьте на себя осеннюю куртку и попросите своих несовершеннолетних детей забросать вас снежками — едва ли все попадания придутся в куртку. В то же время одна зазубренная стрела в конечности человека не только выведет его из строя, но и наполнит болью вообще любое последующее движение. В отличие, например, от большинства огнестрельных ран, ощущения от которых, как правило, более локальны. Не говоря уже о возможности использования отравленных наконечников.

Именно так воины филиппинского вождя Силапулапу в 1521 году разгромили десант знаменитого Магеллана: заметив, что стрелы отскакивают от кирас испанцев, туземцы стали стрелять по их ногам, обездвигивая противников. А в случае сибирских служилых речь идет об их противостоянии лучникам, способным с полусотни шагов всадить стрелу в сердце разъяренному медведю и на каждую ружейную пулю ответить десятком подобных выстрелов. Учитывая сказанное, преимущество над ними мушкетеров в доспехах остается признать хотя и заметным, но отнюдь не подавляющим.

Во-вторых, допустим, обмен стрел на пули действительно оказывался для аборигенов столь губительным, как утверждается. Но в таком случае именно стремление снизить потери в последующих боях заставило бы туземцев как можно быстрее сократить дистанцию до казаков, навязав им равное фехтование на холодном оружии. Тем более что перезарядка ружей занимала одну-две минуты, а лесисто-горная местность Восточной Сибири обычно давала достаточно укрытий для безопасного сближения с врагом.

В-третьих, если туземцы так боялись потерь, то как должны были бояться их сами казаки, в большинстве схваток имевшие против одного своего бойца два — пять и более вражеских. При гигантской растянутости сибирских войск замена погибших или даже серьезно раненных часто была для них попросту невозможной. В отличие

от противника, сражавшегося среди своих селений и на знакомой территории. В результате победа над казаками, достигнутая ценой равных или даже несколько больших потерь, не стала бы для туземцев пирровой.

Поэтому вместо простого «пальнули и разогнали» казакам наверняка приходилось после одного-двух залпов вступать в упорный «съёмный» (рукопашный) бой, от которого исход сражения зависел не меньше, чем от наличия у сторон пороха и свинца.

Видя, однако, сокрушительное действие пуль против доспехов, туземцы старались захватить казачьи пищали и использовать их против русских. Так, в 1651 году на реке Алазее юагаиры, отбивая наступление отряда Катаева, обстреляли русских из пищалей, ранее захваченных ими у убитых служилых людей. Столь быстрое освоение ружей одним из самых технической отсталых народов Сибири ясно показывает, сколь недолог был мистический ужас аборигенов перед грохотом выстрелов.

Использование аборигенами огнестрельного оружия сдерживалось не только его дефицитом, но и сложностью приобретения боеприпасов. Советский этнограф А. А. Попов подсчитал, что северному охотнику на одно ружье с кремневым замком в год требовалось восемьсот граммов дробы, один килограмм пороха и двести граммов свинца для самодельных пуль на крупного зверя. Естественно предположить, что в условиях активных боевых действий потребность в боеприпасах была гораздо больше. Поэтому, даже захватив в бою ружья, туземцы часто не имели возможности их использовать. Так, в 1680 году охотские ламуты, разгромив стольника Д. Бибикова с партией казаков, разломали трофейные казачьи пищали и перековали их на холодное оружие.

Гораздо чаще использовали огнестрельное оружие коренные жители Южной Сибири. Буряты и давние враги русских — енисейские кыргызы — получали ружья, порох и свинец из Джунгарского ханства. В армии этого степного государства к концу XVII века насчитывалось не менее двадцати тысяч стрелков с ружьями, закупленными в Китае, Средней Азии и (контрабандой) в России. Отлично понимая опасность вооружения враждебных туземцев, русское правительство категорически запрещало продавать местному населению (не важно, ясачному или нет) ружья и доспехи. Однако

рыночные законы оказались сильнее воеводских запретов. В XVII веке были отмечены нередкие случаи продажи томскими купцами огнестрельного оружия енисейским кыргызам, даже когда те вели военные операции против русских.

Обладание доспехом в Сибири XVII века также не было монополией русских людей. В Южной Сибири были широко известны якутские, бурятские, калмыцкие и кыргызские доспехи, в том числе активно закупавшиеся русскими служилыми людьми. Свидетельством качества, например, бурятских доспехов являются периодические жалобы воевод на то, что в столкновениях с бурятами казачьи «худые пищаленки» неспособны пробить их куяки (хотя, скорее всего, речь идет о стрельбе более чем со ста метров). «Доспешное» преимущество русские имели лишь перед народами, жившими от Приамурья до Чукотки и не производившими металлических панцирей. Так, например, чукотские воины в описываемый период носили весьма оригинальные, но крайне неудобные косяные панцири и даже пытались делать латные пластины из купленных у русских котлов. Однако все подобные изобретения они при первой возможности меняли на доспехи убитых служилых людей.

Из-за низкой дальности и скорострельности ружей главная тяжесть сражения, как правило, приходилась на ближний бой, исход которого решался упорством, уровнем владения холодным оружием и качеством доспехов каждой стороны.

Не говоря уже о том, что кыргызские, якутские и тем более маньчжурские кузнецы вполне могли сработать почти все виды европейского холодного оружия, менее развитые технически туземные народы могли доставить казакам хлопоты и с помощью самого примитивного вооружения. Крашенинников, известный исследователь Камчатки XVIII века, отмечал, что слабость своих копий с каменными наконечниками камчадалы и чукчи порой успешно компенсируют яростью нападения и искусством фехтования. Тунгусским изобретением была знаменитая «пальма» — железный нож длиной сорок — семьдесят сантиметров на метровой деревянной рукояти. Таежный охотник фехтовал пальмой в ближнем бою, рубил подлесок для прохода нарт и сражался с медведем, стараясь поразить хищника в глаз. Казаки быстро оценили достоинства

этого оружия и во множестве закупали его у лесных кузнецов. Соединяя в себе свойства оружия, хозяйственного инструмента и орудия охоты, пальма была очень удобна для пешего служилого, который физически не мог тащить на себе множество слишком специализированного снаряжения.

В целом присоединение Сибири к России было мирным процессом. Местные народы часто сами приходили в русское подданство, порой из-за богатой торговли с Россией, порой ища союза против сильного противника, а иногда и просто выбирая из претендентов на свои земли русских как меньшее зло. В конечном итоге власть России принесла аборигенам больше пользы, чем вреда, хотя четыреста лет назад это было трудно предвидеть. Однако если из-за жадности ясачных сборщиков или подстрекательств монгольских соседей России в тайге вспыхивала война, она не знала ни правил, ни срока, ни жалости к побежденным.

Селения восточносибирских племен были зачастую неплохо укреплены. В Приамурье даурский «городок» князя Гайгудара имел три линии стен, укрепленных земляными валами и двумя рядами круговых рвов, а вместо ворот под стенами были проделаны выходы-«подлазы». Даурские «городки» порой имели в стене выступы-«бастионы» для флангового обстрела лучников. Часто приамурские селения «гасяны» располагались на высоком речном мысу. Попасть внутрь крепости можно было либо через усиленный надолбами частокол, либо по узкой тропе вверх от реки. Подобные укрепления были почти неприступны для вооруженных луками амурских народов, вынужденных к тому же очень осторожно относиться к потерям среди трудоспособного мужского населения. Считая пришлых казаков подобными соседним племенам, эти народы гордо отказывали русским в платеже ясака.

В ответ пушечное ядро с грохотом вышибало из грубого частокола несколько «тынин». К щерившейся занозами брешу, вздрагивая под стрелами, подползал огромный, наскоро сколоченный щит, а затем из-за него с гиканьем выскакивали «лоча» с саблями и кистенями в руках. В последующей яростной и скоротечной схватке защитники «городка» или погибали, или буквально сбрасывались в реку, едва успевая погрузиться на лодки.

Однако казаки не строили себе иллюзий, полагая, что падение крепости тут же обеспечит покорность врага. Сунув сабли за пояс, они брали в руки топоры и быстро восстанавливали вдребезги разбитый их же ядрами частокол.

Едва они успевали засесть за ним, как из леса появлялась толпа бывших хозяев с мощным подкреплением из соседней, задумавшихся о дальнейшем маршруте казаков. В мгновение ока тынины и кое-кто из зазевавшихся служилых превращались в подушки для игл, а ревущая людская масса устремлялась к частоколу, не обращая внимания на вьющиеся из-за него дымки фитилей. Аккуратно выждав ее приближение, несколько десятков рук согласно нажимали на мушкетные «жагры». Воздух наполнялся дымом, грохотом и свистом. Часть нападающих оставалась лежать на земле, часть обращалась в бегство, а рискнувшие и успевшие перебраться через частокол получали приветствие саблями или ружейным прикладом. Весь остаток дня туземцы продолжали засыпать укрепление стрелами издалека.

Ночью, перед рассветом, они бесшумно подкрались к форту и без вскрика прыгнули на частокол, словно гибкие и обезумевшие от крови ласки. Нападавшие рассчитывали на отсутствие или утомление часовых, но караульный успел поднять тревогу, хотя его крик быстро перешел в хрип. Казаки, спавшие у стен прямо в доспехах, вскопили, похватили сабли, ночь наполнилась воплями и звоном стали. В тесной беспорядочной свалке преимущество было на стороне плотных и закованных в куяки служилых. Оставив внутри и перед укреплением не один десяток трупов, последние быстрые тени, извиваясь, скрылись среди деревьев.

Вскоре в виду острога, в сопровождении свиты из лучших воинов, появляется сам «князец». Он объявляет, что сожалеет о произошедшем кровопролитии, соглашается принести русским «шертъ» (вассальную клятву) и уплатить ясак. Приняв княжескую присягу от имени царя Алексея Михайловича, казачий атаман отправляет с ним партию казаков для доставки ясака в крепость. В стане вчерашнего противника русских ждет гряда искрящихся мехов, щедрое угощение и предложение переночевать. Ночью недавние радушные хозяева тихо выбирают из жилищ, где спят казаки, и сжигают гостей заживо вместе с юртами (на Алдане только

в 1640 году так погибло двадцать шесть человек).

Не дождавшись вестей от посланного отряда и подозревая худшее, атаман решает напомнить новым подданным о принесенной ими «шерти». Притворяясь, что считает отсутствие посланных казаков простой задержкой, он выводит свой отряд из острога. Неподалеку от стойбища противника казаки раскладывают на траве стальные топоры, штуки материи, всевозможные украшения и инструменты — якобы свою плату за мир. Когда любопытные туземцы приближаются к разложенным вещам, из-за ближних деревьев прямо им в лицо грохочет ружейный залп.

Туземцы снова атакуют острог, на сей раз пытаясь растащить тыновую стену крюками. И снова пллюющиеся огнем и смертью железные трубки не подпускают их достаточно близко. Во время этой атаки казаки замечают среди нападающих нескольких воинов в хороших доспехах и с пышными султанами на шлемах. Один из них, к немалому изумлению русских, стреляет в них из длинной неуклюжей пищали. Второй прыгает внутрь крепости, ловким ударом меча отбрасывает одного из служилых и падает, получив мушкетный выстрел в упор. Третий издалека, сам едва различимый на фоне листвы, саживает звенящую стрелу в частокол в одном вершке от головы атамана.

Отчаявшись взять свое бывшее поселение штурмом, племя пытается донять казаков осадой. Припасы бывших хозяев в крепости иссякают, а охота или рыбалка для русских теперь возможна разве что при выходе на нее половины гарнизона. Хотя окружающий лес и кажется безлюдным, неосторожно высунувшийся из-за частокола удалец в лучшем случае слышит свист, звонкий удар и гудение застрявшей в тынине длинной стрелы.

В укреплении истощается провизия, начинается голод и цинга. Выплюывая зубы из кровоточащих десен, от слабости наваливаясь лбами на ружейные стволы, русские караулы посменно стоят за частоколом. В Якутск с нарочным уже послано сообщение о «приведении Даурии под высокую государеву руку», а слово людей, привыкших надеяться лишь на себя, стоит дорого. Осада тянется долго, пережившим первый страх служилым кажется, что они провели в ней всю жизнь. Как-то раз далеко-далеко за рекой, почти на самом горизонте, оче-

редной каравальный замечает что-то вроде столба дыма.

Сочтя смерть от стрелы более легкой, нежели от рези в желудке, часть казаков все-таки делает вылазку за провиантом. К их немалому удивлению, противник куда-то исчез. Ни одна стрела не свистит из ветвей, ни одна тень не мелькает за кедровыми стволами. На месте соседнего селения русские обнаруживают пепелище и бесплощадно вытоптанные хлебные поля. Причем это обычное нападение — трупов на развалинах нет, тропа на юг расширена почти вдвое, и кругом множество лошадиных следов. Как будто население само сожгло свои дома и с пожитками ушло по тропе на юг, причем, скорее всего, под кавалерийским конвоем.

Возле одного из жилищ погибшего селения русским удается обнаружить в земле тайник с невывезенным зерном. Старший группы отправляет двух казаков на разведку по следам ушедших, а сам с большей частью добычи возвращается в форт.

Вскоре туда же прибывают и разведчики. При этом оба чуть ли не на себе тащат оборванного и полуразтертого от голода старика туземца. Его разговор с атаманом, в основном знаками, полностью подтвердил первую догадку. Конный отряд некоего «богдойского царя» неожиданно прибыл в селение. Командир приказал жителям сжечь дома и хлебные поля, дабы они не достались пришлым «северным варварам». Самим селянам было велено быстро собрать пожитки, забрать скот и уходить в богатые земли далеко на юге, которые решил пожаловать им загадочный «богдойский царь». Однако какая бы ни была у него земля, дорога туда не обещала быть легкой. Подгоняя отстающих копейными древками, конвой гнал колонну поселян вперед, безжалостно бросая на тропе больных и ослабевших. Разведчики подтвердили, что на тропе они то и дело находили трупы людей и скота. Одним из них чуть было не стал сам старик, не наткнись на него казаки. Закончив рассказ, старик, дрожа, валится в ноги атаману и умоляет его выручить угоняемых «богдойцами» родственников, клянясь всеми родовыми богами в вечной верности за них всех. После недолгих размышлений и споров русский отряд выходит из крепости и устремляется в погоню.

В этом полухудожественном описании мы допустили только одну вольность — рассказали о главных приемах таежной войны

в рамках лишь одной казачьей экспедиции в Приамурье.

Что же касается ее исхода, достоверно известно, что, сразившись с русскими, аборигены начали впоследствии искать их защиты. Так, в 1650-х годах воевавшие с Хабаровым дауры были угнаны маньчжурскими войсками с Амура на реку Муданьцзян. Угнанные тунгусы князя Гантимура впоследствии отказались выполнить маньчжурский приказ о разорении Комарского острога, в 1667 году бежали вместе со своим князем на русскую территорию и впоследствии сражались с цинскими войсками бок о бок с казаками. В 1675 году оставшиеся в Маньчжурии дауры через своего «сотника Лопсодоя» обратились за помощью к албазинцам Никифора Черниговского, и казаки ответили на их призыв.

Представление о русском первопроходец как высоченном квадратном детине, одним ударом булавы зашвыривающим в кусты сразу трех слабосильных тунгусов или маньчжур, также относится к области былинной мифологии. Исследование обнаруженных доспехов сибирских служилых людей и сопоставление антропометрических данных показывают, что казак-первопроходец чаще был невысокого роста (до ста шестидесяти семи сантиметров), сухощавый, с узкой талией и бедрами, плечистый

и широкогрудый. Что интересно, именно этот внешне маловыдающийся облик в фольклоре гордых и воинственных чукчей описан следующим образом: «Одежда вся железная, усы как у моржей, глаза круглые железные, копыя длиной по локтю и ведут себя драчливо — вызывают на бой». В чукотской мифологии, как и в якутской, творец мира именно русским предназначил повелевать всеми народами. И, хотя в якутских сказаниях образ казака неотделим от огнестрельного оружия, сам казак описывается в них как сильный, храбрый, хитрый и жестокий воин, борьба с которым бессмысленна. Маньчжурский офицер У Наньчжун напишет в своих «Записках о Нингуте» о событиях 1668–1669 годов: «Они (*русские*. — А. Б.) храбры как тигры и весьма искусны в стрельбе из ружей». Если учесть все сказанное о нередком равенстве русских и аборигенов в отношении физической силы и доспехов, сомнительных и капризных преимуществах тогдашнего огнестрельного оружия перед луками, остается признать, что большей частью столь грозной репутацией казаки обязаны своим личностным данным. А именно храбрости, сочувствию чужой беде, верности долгу, хитрости, стойкости к лишениям, а зачастую и элементарной жестокости, алчности и неразборчивости в средствах.

